

УДК 821.161.1

ОБРАЗЫ ПРИМОРСКИХ КОРЕЙЦЕВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XX ВЕКОВ

Екатерина Александровна Клюйкова

старший преподаватель кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. nese91@gmail.com

В статье рассматриваются образы приморских корейцев в русской литературе XIX – XX вв. Изображение корейцев, проживавших на территории российского Дальнего Востока, находим в травелогах (Н.М. Пржевальский, Д.И. Шрейдер, Н.Г. Гарин-Михайловский), литературе восточной ветви русской эмиграции (В.Ю. Янковский), а также литературе о Гражданской войне (А.А. Фадеев, Р.Н. Ким). В литературе путешествий образы корейцев помещены в контекст проблем регионального управления на Дальнем Востоке. В произведениях В.Ю. Янковского формируется проблематика дальневосточного фронта. В литературе о Гражданской войне в образах корейцев актуализируются политические конфликты, связанные с событиями в метрополии.

Ключевые слова: образы корейцев; литература путешествий; литература эмиграции; дальневосточный фронт; литература о Гражданской войне.

Дальневосточные территории России благодаря своему географическому положению с начала заселения русскими «колонистами» становились так называемыми «контактными зонами». М. Пратт, вводя этот термин в классическое исследование колониальных травелогов, подчеркивает, что он определяет «отношения между колонизаторами и колонизируемыми, путешественниками и теми, кто попадает в путешествие в поле их зрения, но не в рамках разделения или сегрегации, а в терминах соприсутствия, взаимодействия, совместных ориентаций и практик, часто в совершенно асимметричных властных отношениях» [Pratt 1992: 7]¹. Исследователи культуры «дальневосточного фронта» также отмечают контактный характер этой территории в качестве основополагающей характеристики: «в атмосфере тесного межэтнического взаимодействия с середины XIX в. соединились судьбы русского, китайского, корейского, тунгусо-маньчжурского населения; сформировались психологические, языковые, культурные границы совместимости этносов» [Забияко 2016: 11].

Корейское население Уссурийского края значительно повлияло на экономическую и культурную жизнь российского Дальнего Востока. Литературные тексты, обращаясь к изображению этого региона, демонстрируют разные аспекты контакта с корейскими эмигрантами.

Во второй половине XIX в. началась массовая эмиграция из Кореи на территорию России. Т.М. Симбирцева указывает, что «согласно рус-

ским документам, корейская иммиграция в Россию началась в январе 1864 г., когда в Новокиевское прибыло 14 корейских семей “в числе 65 душ”. В 1867 г. их было уже 1801», а в 1869 году из-за неурожая в провинции Хамгён в Россию переселилось более шести тысяч корейцев» [Симбирцева 2001: 82]; к концу XIX в. количество эмигрантов уже оценивалось в двадцать тысяч.

Н.М. Пржевальский, посетивший Уссурийский край в 1867–1869 гг., одним из первых отреагировал на появление корейских переселенцев в России: «Густая населенность Корейского полуострова и развившиеся там вследствие этого нищета, грубый деспотизм, сковавший все лучшие силы народа, наконец, близость наших владений, обильных плодородной, нетронутой почвой, – все это было сильной пружиной, достаточной даже для того, чтобы заставить и неподвижных жителей востока отречься от преданий прошлого и, бросив свою родину, искать себе при новых условиях и новой обстановке лучшей и более обеспеченной жизни» (Пржевальский: 106). Автор положительно характеризует и сам процесс иммиграции корейцев, и их самих, указывая на их трудолюбие и противопоставляя их по этому признаку другим народам, проживающим на этой территории.

Одно из наиболее развернутых изображений корейских деревень обнаруживается в травелоге журналиста, сотрудника газеты «Русские ведомости» Д.И. Шрейдера «Наш Дальний Восток

(Три года в Уссурийском крае)» (1897). Вид корейской деревни вызывает у Д.И. Шрейдера противоречивые впечатления. Он восхищается аккуратностью возделанных полей, но в то же время не хочет расставаться с предрассудком «о непостижимой лени и слабосилии этого племени» (Шрейдер: 154). Подчеркивая чрезвычайную бедность корейцев, Д.И. Шрейдер использует сразу несколько устойчивых ориентальных мотивов, таких как неподвижность корейцев и их загадочность для западного наблюдателя: «Есть что-то странное и непонятное европейцу в этом флегматичном и нищенском племени, полном самых противоречивых контрастов: лени и кропотливости, слабосилия и воловьей выносливости...» (Шрейдер: 154–155).

Д.И. Шрейдер, никогда не бывший в самой Корее, предлагает читателю взгляд своего безымянного знакомого, прошедшего несколько лет на Дальнем Востоке. Собеседник автора в качестве одной из своих главных идей подчеркивает разницу между корейцем в Корее и корейцем в России. Он видит корни этих различий в естественном процессе «выхода из спячки» в новых условиях жизни: «Кореец в Корее – это еще человек, одуревший от сна, лучи современной цивилизации еще не коснулись его в его сонном царстве и он, действительно, поражает у себя на родине всех путешественников своей чисто классической ленью и апатией <...> Стоит вам, однако, перенести корейца на другую почву, скажем, хотя бы даже в ваш Уссурийский край, изолировать его от веками угнетавшей его на родине обстановки, и вы уже не узнаете его» (Шрейдер: 162–163).

Мотив сна, в который погружен житель Востока до тех пор, пока его не пробудит Запад, в целом характерен для путевой литературы о Востоке и о дальневосточных народах. Так, И.А. Гончаров неоднократно пишет о «сонной жизни» японцев: «Да и высший класс, кажется, тяготится отчуждением от мира и своей сонной и бесплодной жизнью» (Гончаров: 42); «Любопытно было наблюдать эти спящие страсти, непробужденные и нетронутые желанья, вместо которых выглядывало детское притворство или крайняя неловкость» (Гончаров: 49). В приведенной выше цитате из травелога Н. М. Пржевальского образ корейцев также связан с мотивом застывшей жизни – автор называет их «неподвижными жителями Востока» (Пржевальский: 106).

Подобный взгляд на корейских переселенцев мы обнаруживаем и в западной путевой литературе. Так, английская путешественница И.Б. Бишоп после посещения Кореи составившая нелестное представление об этом народе – «в

Корее я научилась считать корейцев худшими из их расы и расценивать их состояние как безнадежное» (Bishop: 236), – посетила и места переселения корейцев в России. И. Бишоп, как и Д. И. Шрейдер, отмечает контраст между корейцами в метрополии и в России, указывая на более выигрышное состояние эмигрантов: «Здесь (в Ново-Киевске – прим. наше Е.К.) и далее к корейской границе многие из переселенцев пребывают в хорошем состоянии, некоторые из них богатеют на поставках мяса и зерна русской армии. В этом они превзошли своих китайских соседей, они ездят в китайскую Маньчжурию, покупают слабый скот и откармливают его на убой. Для тех, кто видел корейцев только в Корее, подобные заявления вряд ли покажутся правдоподобными» (Bishop: 225). Заслуги в деле преобразования корейских эмигрантов путешественница приписывает российской политике в отношении переселенцев.

В 1903 г. вышел травелог британского антрополога Ч.Г. Хоса «На самом дальнем Востоке» (“In the Uttermost East”), который описывает путешествие по Корее, Маньчжурии и российской территории Дальнего Востока. Мнение Ч.Г. Хоса отчасти совпадает с точкой зрения И. Бишоп о большей активности корейских переселенцев в России, чем в метрополии. Он также объясняет это более справедливым управлением: «Если корейские кули² дома не обладают репутацией деятельных и энергичных работников, то во Владивостоке все наоборот. Возможно, эта энергия и азарт эмигрантов, но даже при этом их можно сопоставить с подобным классом китайцев и маньчжур. Наиболее очевидное объяснение этому, что под российским управлением их заработок принадлежит им, тогда как в их собственной стране они были подвержены вымогательствам» (Hawes: 14).

Изображение приморских корейцев в путевой литературе второй половины XIX – начала XX вв. демонстрирует их отличие от корейцев метрополии, причем заслуга в их активности и зажиточности лишь отчасти приписывается их трудолюбию и личным качествам. Главная роль в преобразении представителей спящего и загадочного корейского народа достается российскому управлению, которое своей активной политикой пробуждает корейцев к жизни. Дальневосточные травелоги этого периода включаются в традицию «имперского травелога». Определяя это понятие, Е.Р. Пономарев указывает, что «пространство за пределами империи – варварское, нестабильное (хаотическое), становящееся, еще до конца не существующее. Лишь включение в империю обеспечивает пространству географическую определенность» [Пономарев 2017:

34]. Корейцы, переселившиеся в Россию, демонстрируют свою маргинальность в глазах российских и западных путешественников – они еще остаются загадочными, «не до конца существующими» людьми Востока, но уже приобретают реальную, понятную европейцам предприимчивость.

Другой взгляд на приморских корейцев конца XIX – начала XX вв. представлен в прозе В.Ю. Янковского, потомка известных заводчиков, чье имение находилось на полуострове Сидеми рядом с одной из первых в России корейских деревень. В биографической повести «Нэнуни», которую автор посвятил жизни своего предка Михаила Янковского, описывается история о победе героя и его соратника корейца Син Солле над хунхузами, за что Янковский получил прозвище «Четырехглазый» («Нэнуни» по-корейски), а Син Солле прославился как «чудобогатырь». История о борьбе с хунхузами становится легендой, которая начинает бытовать среди корейцев в приграничных районах в России и в Корее. Этот частный пример демонстрирует характерную для прозы В.Ю. Янковского концепцию дальневосточного региона как единого культурного пространства, где нет принципиальных различий между корейцами на родине и в России.

Син Солле в легенде обращается к Нэнуни «старший брат», что в рамках корейского языкового этикета обозначает как старшинство по возрасту, так и уважение к ближайшему наставнику. В.Ю. Янковский словами Син Солле указывает на важность сотрудничества корейцев и русских в борьбе с разбойниками и тиграми: «если русские “капитаны” решат преследовать и наказать грабителей, корейские следопыты-охотники готовы идти вместе и биться бок о бок» (Янковский: 295). Как отмечает Е.Е. Бибики, проза В. Янковского во многом отражает фронтальные реалии: «тесное взаимодействие с коренными народами и культурами Маньчжурии и Дальнего Востока, обращение к мифологическим представлениям этих этносов, описание географического ландшафта» [Бибики 2015: 64–65]. Русская территория Дальнего Востока оказывается местом встречи людей разных национальностей – обрусевшие поляки Янковские, капитан Ф.К. Гек – швед, следопыты-удэгейцы, охотники-корейцы, китайские разбойники хунхузы и другие. Автор создает во многом идеализированный образ прошлого, что характерно для литературы эмиграции первой половины XX века.

В то же время корейские герои В.Ю. Янковского зачастую не делают различий между приобретенным в России и корейским. Так, в рассказе «Сахаджан – долина Эльдорадо» появляется персонаж «рожденный в России,

крещеный кореец Алексей Петрович Шин» (Янковский: 150) – сын Син Солле, в 1930 г. переехавший в Корею. Янковские называют Шина «старый таза», поскольку он умеет строить тазское временное жилище. В то же время Шин, будучи крещеным, готовит приношение для горного духа, что удивляет героя В.Ю. Янковского: «крещеный христианин, любящий божиться и осенять себя крестным знамением, вдруг заявил, что “прежде нужно накормить Его”... Горного духа!» (Янковский: 153). В эпизодическом образе Шина отразилась одна из главных особенностей персонажей фронта – сосуществование элементов разных культур в рамках одного сознания.

Еще один аспект изображения приморских корейцев мы находим в литературе о Гражданской войне, в первую очередь – в романах А.А. Фадеева.

В романе «Последний из удэге» представлены два типа образов корейцев. Автор показывает корейцев-крестьян, «народ тихий» (Фадеев: 262), которые оказываются постоянными жертвами хунхузов. Этот образ корейских переселенцев включает этнографические подробности: детали национального костюма, кухни, особенности полевых работ. Корейцы-крестьяне не персонифицированы. «Дорогой он обогнал несколько скрипящих арб, запряженных коровами с деревянными кольцами в носу и нагруженных целыми семействами – стариками с седыми редкими бородами, в белых одеждах и высоких соломенных шляпах» (Фадеев: 432). Впервые подобный образ корейца как жертвы, целиком зависимой от внешних обстоятельств, появляется у А.А. Фадеева в небольшом эпизоде романа «Разгром» (1926). Такое представление о корейцах во многом совпадает с традиционным образом корейцев, сформировавшимся в русской литературе в конце XIX – начале XX вв.

М.М. Пришвин в дневнике 1928 г. пересказывает разговор с В.К. Арсеньевым о коренных жителях Приморья: «Там охотой на лебедей называют охоту на корейцев, на фазанов, кажется, на китайцев и т. д.» (Пришвин: 278). Это орнитологическое сравнение и определяющая ее жестокая практика, по-видимому, были весьма устойчивы в Уссурийском крае; впервые они встречаются в травелогe Н.Г. Гарина-Михайловского: «Очень еще недавно охота на белых лебедей, – так называют корейцев в их белых костюмах и черных волосяных, узких и смешных шляпах, – была обычным явлением. Четыре года назад один солдат из такой партии лебедей, шедших гуськом по скалистой тропинке, перестрелял четырех: “А что их не стрелять? Души у них нет – пар только”» (Гарин-Михайловский: 109). В предисловии

к корейским сказкам писатель снова указывает на визуальное сходство корейцев в традиционных белых одеждах и лебедей. Детали внешнего облика оказываются для него значимыми для понимания национального характера: «Да, как лебеди, корейцы не могут драться, проливать человеческую кровь; как лебеди, они могут только петь свои песни и сказки. Отнять у них все, самую жизнь – так же легко, как у детей, у лебедей: хорошее ружье, верный глаз...» (Гарин-Михайловский: 436).

В романе «Последний из удэге» А.А. Фадеева также появляется упоминание «охоты на лебедей», но устраивают ее не удэгейцы, а нелегальные охотники: «Промысленник тут – это такая профессия: ходит он по тайге, высматривает бродячих манз, или корейцев, которые, скажем, с мехами идут, или с пантами, или с корнем женьшенем, и постреливает их полегоньку. Называется это – охота за “синими фазанами” да за “белыми лебедями”, потому китайцы всегда в синем ходят, а корейцы в белом» (Фадеев: 246). Детали внешнего облика способствуют формированию представления о корейцах как бессловесных жертвах жестокой охоты в районах дальневосточного пограничья.

А.А. Фадеев также создает образы отдельных прогрессивных представителей народов, живущих на территории Уссурийского края, поэтому к другому типу корейцев можно отнести образы революционеров Сергея Пака и Марии Цой. Портреты персонажей резко выделяют их из среды корейцев-крестьян: Сергей Пак одет в пиджак с галстуком, а Мария Цой – не в традиционный ханбок, а в русское платье, что удивляет революционера Чуркина, видевшего только корейских крестьянок: «“Ну посмотрим, какая у них там революционерка”, – всходя на крыльцо, подумал Алеша, невольно представляя себе женщину, похожую на тех, какие попадались ему дорогой, в короткой кофте, с голыми грудями» (Фадеев: 433). Через образы революционеров изображение Кореи включается в актуальный политический контекст. Герои А.А. Фадеева рассказывают о корейском восстании против японской оккупации 1 марта 1919 г. Образы корейских повстанцев наделяются универсальными романтическими чертами. Автор делает отсылки к произведениям русской литературы: Мария Цой вспоминает слова своего брата, казненного японцами: «Не жалею в борьбе своего сердца. Если надо – разбей его!» (Фадеев: 438) – в этой цитате очевидно использование узнаваемого горьковского образа Данко.

В романах А.А. Фадеева впервые актуализируется корейско-японский конфликт как присущий

и корейским переселенцам, а также их тесная культурная и политическая связь с метрополией.

В этом же контексте следует особо отметить и рассказ писателя Р.Н. Кима «Тайна ультиматума», посвященный событиям, происходившим во Владивостоке в 1920 г. Рассказ завершается подготовкой казни японцами красных корейцев: «Когда мы приехали в бухту Улисс, уже было светло. Каменистый берег был покрыт водорослями и медузами. На плоской скале сидели привязанные друг к другу корейцы. Было прохладно, мы развели костер около шаланды, лежащей на берегу, опорожнили фляжки с сакэ, закусили консервированной солониной – корнбифом, выкурили по сигарете и начали» (Ким: 108). Этот короткий абзац важен для понимания описанных в рассказе событий. Именно с казни корейцев японские войска начинают свою деятельность в оккупированном ими городе. Как и А.А. Фадеев, Р.Н. Ким актуализирует корейско-японский конфликт на русской территории, с той разницей, что для автора корейского происхождения этот конфликт приобретает личное значение.

В образах приморских корейцев в разные периоды развития русской литературы используются различные мотивы. Травелоги второй половины XIX – начала XX вв. демонстрируют отличие корейских эмигрантов в России от неэмигрировавших корейцев, указывая на благоприятные условия развития, созданные в России, и положительное влияние российского управления на Дальнем Востоке. В подобном контексте можно воспринимать и изображение российской территории Дальнего Востока в прозе В. Янковского, где корейцы сосуществуют с представителями других народов этого региона, принимая старшинство русских заводчиков. В произведениях, посвященных Гражданской войне, в образах приморских корейцев актуализируется корейско-японский конфликт, ранее в русской литературе ассоциированный исключительно с образами корейцев метрополии.

Примечания

¹ Здесь и далее перевод с английского языка наш.

² Кули – носильщики.

Список источников

Гарин-Михайловский Н.Г. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Худож. лит-ра, 1958. Т. 5. 720 с.

Гончаров И.А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит-ра, 1959. Т. 3. 384 с.

Ким Р.Н. Тайна ультиматума: повести и рассказы. М.: Молодая гвардия, 1969. 320 с.

Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 г. СПб., 1870. 297 с.

Пришвин М.М. Дневники: 1928–1929: Книга шестая. М.: Русская книга, 2004. 544 с.

Фадеев А.А. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Худож. лит.-ра, 1970. Т. 2. 575 с.

Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае). СПб., 1897. 469 с.

Янковский В. От Сидеми до Новины: Дальневосточная сага. Владивосток: Рубеж, 2018. 608 с.

Bishop I.B. Korea and her neighbors. New York: Fleming H. Revell Company, 1898. 488 p.

Hawes C.H. In the Uttermost East. London; New York: Harper & Brothers, 1903. 478 p.

Список литературы

Бибик Е.Е. Особенности фронтальной ментальности семьи Янковских (на материале книги В. Янковского «Нэнуни-Четырёхглазый») // Actual Problems of Labor Relations in the Regional Socio-Humanitarian Studies: Materials of the Inter-

national Scientific Conference. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015. С. 60–66.

Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Изд-во Сибирск.отделения РАН, 2016. 437 с.

Пономарев Е.Р. Русский имперский травелог // Новое литературное обозрение. 2017. № 144(2). С. 33–44.

Симбирцева Т.М. Русско-корейские переговоры в Кёнхыне в 1869–1870 гг. и их историческое значение // Вестник Центра корееведческих исследований Дальневосточного государственного университета. 2001. № 1(2). С. 81–89.

Pratt M.L. Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. London; New York: Routledge, 1992. 257 p.

IMAGES OF THE FAR EAST KOREAN IMMIGRANTS IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 19TH – 20TH CENTURIES

Ekaterina A. Kliuikova

Senior Lecturer, Russian Literature Department
Perm State University

The article considers images of Korean immigrants of the Russian Far East in the Russian literature of the 19th and 20th centuries. Images of the “Russian” Koreans appear in travel literature (N.M. Przhhevsky, D.I. Shreider, N.G. Garin-Mikhailovsky), the eastern branch of the Russian emigrant literature (V.Yu. Yankovsky), as well as in literature on the Civil War (A.A. Fadeev, R.N. Kim). Travel literature presents images of Koreans in the context of Russian administration in the Far East. Novellas by V.Yu. Yankovsky deal with the problems of the Far Eastern frontier. The Civil War literature considers images of Korean immigrants as involved in political conflicts related to events in the metropolis.

Keywords: images of Koreans; travel literature; literature of emigration; Far Eastern frontier; Civil War literature.